

ЭТО ПЕСНИ ТВОИ И МОИ

Стефан ЗАХАРОВ, писатель-краевед

Песни Великой Отечественной войны! Они оставили глубокий след в истории советского музыкального искусства. Кто не знает «Священную войну», «Землянку», «Вечер на рейде», «На солнечной поляночке», «Под звездами балканскими», «Дороги»... Но есть среди песен военных лет и незаслуженно забытые.

В 1943 году композитор М. Табачников был на 4-м Украинском фронте руководителем армейского музыкального ансамбля. Его песню «Давай закурим!» на текст И. Френкеля широко пели в стране. М. Табачников написал также музыку и к песне «Хозяйка»:

В пути, в ночи устанешь,
С плеча винтовку стянешь,
Зайдешь, товарищ мой,
на огонек.

Привет, хозяйка!
Местечка нет ли, хозяйка?
Не чую ног.
И у меня далеко
Томится мать без срока,
И у нее все ночи изломаны
войной.

Позволь, хозяйка,
Вот хлеб и соль, хозяйка,
Поешь со мной...

Автором текста этой песни стал челябинский поэт Марк Гроссман, бывший потом долгие годы членом редколлегии «Уральского следопыта». О нем, как о красноармейце-поэте, участнике первомайского парада 1938 года на Красной площади, упоминается в книге «Сто военных парадов». Как и Табачников, Гроссман служил на 4-м Украинском. Однажды композитор, встретив поэта (а они дружили), поделился своим замыслом. Ему хотелось написать песню, посвященную матерям. Без мужей и сы-

новой им очень трудно приходилось в тылу, не легче, чем солдатам на передовой. Мелодия у Табачникова была почти готова. Гроссман ее быстро запомнил и в ту же ночь сочинил текст. У поэта хранилась записка Табачникова: «Маркуша! Спасибо за стихи! Молодец — пиши дальше. Может, из тебя получится толк. Ей-богу!»

Песни в дни войны создавались не только на фронте. Они не молчали и в далеком тылу. Расскажу о двух из них, родившихся в Свердловске.

В декабре 1941 года редакция газеты «Уральский рабочий», оргкомитет Союза советских композиторов и Свердловское отделение Союза писателей объявили конкурс на лучшую песню об Урале: «Урал — кузница оружия». Итоги подвели в феврале следующего года. Первую премию получил текст Агнии Барто. Но не было музыки. И члены жюри решили провести соревнование композиторов. Победил Т. Хренников, будущий народный артист СССР. Той зимой в Свердловске работал эвакуированный Центральный театр Красной Армии, где Хренников заведовал музыкальной частью. Он и разделил с А. Барто первое место на конкурсе.

Песня «Уральцы бьются здорово!» стала как бы музыкальным символом нашего края в годы Великой Отечественной.

...Уральцы бьются,
Эх, бьются здорово,
Нам сил своих,
Нам сил своих не жаль.
Еще в штыках стальных,
В штыках Суворова,
Она горела и сверкала,
Наша сталь...

Песню пели самодеятельные хоровые коллективы свердловских заводских клубов, а в 1942 году — ансамбль песни и пляски Уральского военного округа.

Популярной была и песня «Уралочка»:

Моя подружка дальняя,
Что елочка в снегу,
Ту елочку-уралочку
Забудь я не могу.

Письмо моей уралочки
Попробуй-ка пойми:
На фронте прислала валенки,
А пишет мне — «пимы».
На каждом слове токает:
Все «то», да «то», да «то»,
Зато такого токаря
Не видывал никто...

Песню эту любили не только в Свердловске, пели и солдаты на передовых позициях. Ее исполняли для них артисты фронтовых бригад, выезжавших из Свердловска.

Автором музыки «Уралочки» был выдающийся советский композитор А. Хачатурян. Написал он ее весной 1943 года на стихи непрофессионального поэта Г. Славина, эвакуированного в Свердловск с одним из подмосковных научно-исследовательских институтов. Позднее Хачатурян говорил:

— Я очень люблю эту песню. И никогда не забуду, что первое ее издание было отпечатано на газетной бумаге тиражом более полумиллиона экземпляров. Стоила эта листовка как рубль, и весь гонорар пошел на нужды фронта...

Пусть песни, о которых здесь рассказано, будут для одних открытием, а для других — воспоминанием о прошлых военных годах.

г. Свердловск

КАК НЫНЕ СБИРАЕТСЯ ВЕЩЕЙ ОЛЕГ...

Леонид СУРИН, краевед

Я до сих пор храню свои школьные тетради. Им перевалило уже за полвека. Смотрю на них как на архивные документы. Да они и впрямь документы эпохи, которую мы называем сталинской. У некоторых тетрадей уцелела только нижняя половина обложки, причем сразу видно, что верхняя не оторвана, а аккуратно срезана ножницами...

Летом тридцать седьмого года мы с мамой и сестрой гостили у дяди в Березниках. Николай Иванович, брат мамы, работал там начальником почты. Его жена Надежда Сергеевна была учительницей.

В конце лета на семейном совете было решено, что я останусь пожить у дяди Коли и здесь пойду учиться в шестой класс. Так я стал учеником

средней школы, носящей имя великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Ее так и звали в городе — пушкинской.

Помню, учительница литературы Антонина Федоровна задала на дом выучить наизусть стихотворение Пушкина «Песнь о вешем Олеге». Я был дома один. Расхаживая из угла в угол, с наслаждением повторял вслух:

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам...
Стихи запомнились сами собой.
К тому же не надо было заглядывать в учебник: они были напечатаны на обложке школьной тетради вместе с репродукцией известной картины художника Васнецова. В 1937 году страна отметила столетие со дня гибели Пушкина.

Мелькали день за днем. Уже приближался новый 1938 год, и вдруг взрослая непонятная жизнь, которая до этого только краем задевала сознание, властно ворвалась в нашу школу и в наш класс.

Один за другим вдруг начали исчезать учителя. Вместо исчезнувшего в класс входил другой учитель, урок которого был совсем не по расписанию.

А на переменах по школьным коридорам шепотом расплзлась очередная новость: «Враг народа... Арестован...»

Однажды, возвратившись вечером из школы, я застал дядю и тетю за странным занятием. Они сидели в кухне в окружении вороха альбомов и старинных открыток. В печке горел огонь, а тетя вытаскивала из альбома открытки и кидала их в топку. Лицо у нее при этом было скорбным и расстроенным.

— Тетя Надя! — в отчаянии завопил я, увидев, как огонь пожирает сказочные богатства. Это были репродукции картин Репина, Айвазовского, Сурикова и других русских художников, а также красочные виды городов Российской империи. И вот теперь все это безжалостно летело в огонь!

— Зачем? Зачем вы это делаете? — повторял я.

— Иди помоги, — вместо ответа устало сказала тетя Надя. — Видишь, их сколько. Дореволюционные откладывай и давай мне. Ты знаешь, что будет, если у нас сделают обыск и найдут вот это, это и это?! — И тетя ткнула пальцем в почтовые марки, на которых были напечатаны все самодержцы, начиная с Петра I и кончая последним царем Николаем II.

А потом настал еще более странный и непонятный день. Учительница литературы Антонина Федоровна вошла в класс и сказала:

— Достаньте ваши тетради.

Мы повиновались.

— Теперь слушайте меня внимательно. У кого на обложках рисунки к произведениям Пушкина, их нужно немедленно срезать. Аккуратно, ножницами. Надписи, фамилию и имя оставьте.

Класс зашевелился, приглушенно загудел.

— Не спрашивайте... Так нужно.

Голос учительницы был строгий, но мне показалось, что глаза ее смотрели на нас с затаенной грустью.

Антонина Федоровна вынула из портфеля ножницы и с металличе-

ским стуком положила их на переднюю парту.

В перемену загадка странного приказа разъяснилась. Оказывается, некто пришел в Березниковский отдел НКВД и как дважды два четыре доказал, что пушкинские рисунки на школьных тетрадях — это оголтелая контрреволюционная вылазка классового врага, потому что каждый рисунок содержит в себе зашифрованную и незаметную с виду антисоветскую пропаганду. Об этом нам поведал старшеклассник Вася Субботин.

— Да где тут может быть пропаганда? — усомнились мы, разглядывая знакомый рисунок.

— Эх вы, тери! Это, по-вашему, что?

— Что, что! Меч в ножнах.

— Ах, меч? — это какая, по-вашему, буква? «Д»... А дальше что? «О»? А это? Видите, с загогулиной в левую сторону. Это же «Л»! А в целом получается «ДОЛОЙ».

Вася повернул тетрадку боком и поднес к моим глазам ту часть рисунка, где был изображен плащ князя Олега.

— Вот тут в узорах скрывается буква «В», тут — «К», это — «П», а здесь вот, махонькая... это — «б». Получается, — Вася оглянулся и перешел на шепот, — «Долой ВКП(б)».

В рисунке «У Лукоморья дуб зеленый», оказывается, был зашифрован лозунг «Долой РККА!». А на репродукции с картины Крамского — «Долой Ворошилова!».

Я, правда, никак не мог этот последний лозунг расшифровать. «Долой» еще как-то складывалось, а «Ворошилов» — никак, хоть убей. Но раз взрослые говорят...

— Слушайте, — сказал вдруг кто-то из ребят. — А зачем им это?

— Кому это «ИМ»? — встрепенулся Вася.

— Ну, этим... врагам народа? Ведь это же ребус какой-то. Его разгадать надо!

— Эх ты! — рассердился Вася. — Не понимаешь, что ли? Они делают это, чтобы нам насолить. В открытую боятся, паразиты. Знают, что народ против них. Вот и гадят втихую.

Всю перемену мы стригли наши тетради. Теперь за давностью лет могу покаяться, что совершил тогда контрреволюционный проступок: вырезал рисунки только в тех тетрадях, которые ходили в классе, другие оставил. Резать рука не поднялась.

О том, что могли сделать с художниками, готовившими иллюстрации к пушкинской дате, с рабочими, которые печатали в типографиях эти обложки, я тогда просто не думал. Они и сейчас у меня, эти тетради, хотя с тех пор миновало уже более половины века...

г. Юрюзань

Рис. Дмитрия Лебедихина